

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАФЕДРѢ.

Адресъ Редакціи:

Подвальная улица № 5, въ домѣ Свято-Троицкой Церкви.

Годовая цѣна—5 р. с.

Выходить два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го числа.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ РЕСКРИПТЪ

данный на имя митрополита московскаго и коломенскаго
Макарія.

Преосвященный митрополитъ московскій Макарій.

Долговременное неутомимо - ревностное служеніе ваше Церкви православной, приобрѣтенная вами опытность въ церковномъ управленіи и просвѣщенныя труды ваши въ области духовной науки, сплеставшіе вамъ всеобщее уваженіе въ Отецествѣ и за предѣлами онаго, обратили на себя Мое вниманіе при избраніи преемника почившему митрополиту московскому Иннокентію. Признавъ справедливымъ ввѣрить вамъ московскую епархію, съ возведеніемъ васъ въ санъ митрополита, Я питаю твердую надежду, что вы съ тѣми же достоинствами и пользою для Церкви будете проходить служеніе на новомъ назначенномъ вамъ поприщѣ, и что кафедра московскихъ первосвятителей, которая постоянно украшалась іерархами, составлявшими честь и славу отечественной Церкви, будетъ имѣть въ васъ вполне достойнаго преемника ихъ пастырскихъ доблестей. Божественный Пастыре-Начальникъ да укрѣпитъ силы ваши въ предстоящихъ вамъ новыхъ священныхъ подвигахъ.

Препровождая къ вамъ бѣлый клубокъ съ крестомъ изъ драгоценныхъ камней и поручая Себя мо-

литвамъ вашимъ, пребываю къ вамъ всегда благо-склонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Въ С.-Петербургѣ.
10-го апрѣля 1879 года.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА.

Отъ 3—13-го ноября 1878 г. за № 1832, объ изданныхъ полковникомъ Острогорскимъ книгахъ для дѣтскаго чтенія, съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшей Правительствующей Синодъ слушали предложенный Г-мъ синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, за № 267, съ отзывомъ объ изданныхъ полковникомъ Острогорскимъ книгахъ, подъ названіемъ: 1) „По бѣлу свѣту“ (С.-Петербургъ 1876 г.), 2) „У рабочихъ людей“ (С.-Петербургъ 1876 г.), 3) „Въ своемъ кругу“ (С.-Петербургъ 1875 г.), и 4) „Дѣтскій Альманахъ“ С.-Петербургъ 1876 г.). Означенныя книги, составляющія часть предпринятаго Острогорскимъ изданія цѣлаго ряда книгъ для дѣтскаго чтенія, подъ общимъ наименованіемъ: „Наша бібліотека“, Учебный Комитетъ полагалъ бы одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки тѣхъ духовныхъ училищъ, въ которыхъ не получается издаваемый г. Острогорскимъ же журналъ: „Дѣтское чтеніе“, откуда перепечатаны вышеозначенныя книги. Приказали: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить и поставить о семъ въ извѣст-

ность правленія духовныхъ училищъ чрезъ напечатаніе настоящаго опредѣленія въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, съ приложеніемъ копіи съ журнала Учебнаго Комитета.

Журналъ Учебнаго Комитета при Святейшемъ Синодѣ за № 267, объ изданныхъ полковникомъ Острогорскимъ книгахъ, подъ названіемъ „Наша бібліотека“: 1) „По бѣлу свѣту“ (С.-Петербургъ, 1876 года); 2) „У рабочихъ людей“ (С.-Петербургъ, 1876 года); 3) „Въ своемъ кругу“ (С.-Петербургъ, 1875 года) и 4) „Дѣтскій Альманахъ“ (С.-Петербургъ 1876 года).

Одна изъ изданныхъ г. Острогорскимъ книгъ, подъ общимъ названіемъ: „Наша бібліотека“, именно: книга „Среди природы“ (С.-Петербургъ 1874 года) уже одобрена Святейшимъ Синодомъ, согласно заключенію Учебнаго Комитета, „для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія бібліотеки тѣхъ духовныхъ училищъ, въ которыхъ не получается издаваемый г. Острогорскимъ журналъ: „Дѣтское чтеніе“, откуда перепечатана означенная книга (опредѣленіемъ Святейшаго Синода отъ 9-го марта — 25-го апрѣля 1878 г. за № 31). Нынѣ подлежатъ разсмотрѣнію еще четыре книги того же изданія („Наша бібліотека“), а именно:

1) Книга: „По бѣлу свѣту“. Эта книга заключаетъ въ себѣ 18 рассказовъ естественно-описательнаго характера. Каждый изъ рассказовъ знакомитъ читателей съ тѣмъ или другимъ явленіемъ природы; рассказы не велики по объему, интересны по содержанию удачны по обработкѣ; къ тексту приложены прекрасныя гравюры. Все изданіе очень опрятно, даже изящно. Въ 1-й статьѣ: „Караванъ въ степи“ представлена картина путешествія по пустынѣ, причемъ особенно характерно и симпатично описанъ верблюдъ, справедливо называемый „кораблемъ пустыни“; въ рассказѣ представлены и тѣ опасности, какія путники встрѣчаютъ въ пустынѣ. Слѣдующая статья: „Жизнь въ оазисахъ“ служитъ дополненіемъ къ первой. Въ рассказѣ излагается значеніе оазисовъ для пустыни, важность степныхъ колодезевъ и способъ ихъ устройства въ Африканскихъ пустыняхъ; жизнь въ оазисахъ изложена весьма наглядно. Статья „Пожаръ въ степи“ картинно излагаетъ это поражающее явленіе, его причины и послѣдствія. Приведенный здѣсь рассказъ путешественника написанъ очень живо и производитъ сильное впечатлѣніе.

Въ ст. „Первобытные лѣса“ читатели знакомятся съ роскошною растительностью тропическихъ лѣсовъ Америки, въ разныя времена года. Рассказъ очень хорошъ и интересенъ. Въ ст. „Американскія поселенцы“, въ формѣ простенькаго рассказа, передано основаніе и освобожденіе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. „Водопадъ Ніагары“, соотвѣтственно названію статьи, знакомитъ читателей съ величественнымъ явленіемъ одного изъ величайшихъ водопадовъ земнаго шара.

Предметомъ рассказа „На голландскихъ плотинахъ“ служитъ изложеніе той борьбы, которую цѣлые вѣка трудолюбивые голландцы ведутъ съ моремъ, защищая плотинами отъ его вторженія свою низменную родину. Изложеніе самыхъ работъ на плотинахъ и описаніе цеховъ рабочихъ сдѣлано весьма живо. Ст. „Альпійская горная область“ переноситъ читателя въ жизнь горцевъ, со всею ея обстановкою, занятіями, опасностями и трудовою жизнью населенія этой страны. Рассказъ очень хорошъ по изложенію, интересенъ по содержанию. Дополненіемъ къ предыдущему рассказу служатъ послѣдующіе: „Охота за сернами“, представляющая

эпизодъ изъ жизни альпійскихъ горцевъ-охотниковъ; „Снѣжныя вершины“, съ описаніемъ вѣчныхъ снѣговъ, обваловъ въ горахъ; „Горные ледники“, съ описаніемъ глетчеровъ, ихъ движенія; наконецъ „Случай на ледникѣ“ представляетъ рассказъ объ опасности, какой подвергался одинъ смѣлый путешественникъ, при путешествіи на альпійскіе ледники.

„Восхожденіе Соссюра на Монбланъ“ составлено по Фигье и представляетъ описаніе посѣщенія этой горы ученымъ французомъ.

Въ ст. „Пещеры“ находимъ описаніе происхожденія пещеръ, ихъ строенія и внутренняго вида (Лазоревый гротъ на островѣ Кипрѣ; гротъ крокодиловъ въ Египтѣ; Мамонтова пещера въ Америкѣ и др.). Въ ст. „Ледовитое море“ представлена картина льдянаго моря и тѣхъ опасностей, которыя тамъ грозятъ мореплавателямъ.

Въ ст. „Пурга“ описывается сибирская мятель. Наконецъ въ ст. „На маякѣ“ описывается скучная, однообразная и опасная жизнь караульныхъ, охраняющихъ маячный огонь.

И такъ, всѣ статьи этой книги заслуживаютъ одобренія и съ пользою могутъ служить для дѣтскаго чтенія. Но по прочтеніи книги невольно пробуждается въ душѣ читателя вопросъ: отъ чего наши писатели дѣтскихъ книгъ берутъ предметомъ описаній своихъ все иноземныя страны? Во всей разсмотрѣнной книгѣ одна только „Пурга“ сибирская нашла себѣ мѣсто. А развѣ у насъ нѣтъ своихъ альпъ на Кавказѣ? Развѣ у насъ нѣтъ своихъ необъятныхъ степей, своихъ пионеровъ и колонизаторовъ, своихъ водопадовъ и чудесъ природы? Нельзя не пожалѣть, что для юношества нашего родина остается менѣ знакомою, чѣмъ страны чужеземныя, вслѣдствіе чего мы мало знаемъ богатства своей земли и не умѣемъ ими пользоваться, тогда какъ смѣлые и ловкіе чужеземные искатели наживаютъ богатства, разрабатывая наше собственное добро, данное намъ природою. Было бы желательно видѣть въ числѣ дѣтскихъ книгъ прежде всего такія произведенія, которыя знакомили бы дѣтей съ родиной. Тѣмъ не менѣ, для возбужденія любознательности въ дѣтяхъ, изученіе явленій природы вообще благотворно, особенно въ изложеніи простомъ, наглядномъ, каково въ разсмотрѣнномъ изданіи г. Острогорскаго.

2) „У рабочихъ людей“. Въ этой книгѣ собраны рассказы о трудящихся людяхъ, съ цѣлію вызвать въ дѣтяхъ расположеніе и уваженіе къ труду, во всѣхъ его видахъ. Содержаніе нѣкоторыхъ статей заимствовано у русскихъ авторовъ. Всѣхъ статей 20. I. „Полевые работы“ рассказъ о крестьянскихъ работахъ въ полѣ (паханье, посѣвъ, жатва, молотьба). II. „Друзья и враги сельскаго хозяина“ краткій очеркъ полезныхъ и вредныхъ животныхъ и насѣкомыхъ. III. „Корова“ представляетъ наблюденіе пастуха надъ жизнью коровъ и пользу, которую получаетъ человѣкъ отъ этого животнаго. IV. „Польза прирученія животныхъ“, съ рассказомъ о томъ какъ человѣкъ покорилъ себѣ дикихъ животныхъ и тѣмъ обеспечилъ свое существованіе. V. „Польза животныхъ четвероногихъ“ (быка, осла, мула, лошади и проч.), съ изложеніемъ, какъ и что человѣкъ добываетъ себѣ отъ домашнихъ животныхъ. VI. „Рыбаки на Волгѣ“ представляетъ картину трудовой, тяжелой жизни рыбаковъ, — коротенькій очеркъ, довольно безцвѣтный. VII. „Рассказъ рыбака“ изъ быта астраханскихъ рыболововъ довольно не дурень, но очень коротокъ. VIII. „На ватагѣ“ рассказъ о ловлѣ рыбы въ Астрахани, гдѣ она и готовится въ соленья. IX. „Бурлаки“ описаніе тяжелой, бездольной жизни бурлаковъ, написано впро-

чемъ довольно сдержанно и интересно. X. „Рубка и доставка лѣса“, съ описаніемъ различныхъ способовъ пользования лѣсомъ у насъ и за границей. XI. „Черезъ лѣсъ“ легонкій рассказъ о побѣдѣ черезъ лѣса нижегородской губерніи, написанный довольно складно. XII. „Охотничьи рассказы“ изъ путешествія къ Архангельску; въ рассказѣ передается довольно живо охота на медвѣдя и смѣлость русскаго чело-вѣка, а также и рыбная ловля на сѣверѣ. XIII. „Въ рудникахъ“ описаніе добыванія руды и опасностей, которыя угрожаютъ рабочимъ подъ землею. XIV. „Соль и солеварни“, съ изложеніемъ различныхъ способовъ добыванія соли и ея мѣсторожденій. XV. „Чумаки“, довольно интересное описаніе обычаевъ и путешествій малороссійскихъ чумаковъ за солью и рыбой. XVI. „Офеня“ изъ быта владимірскихъ бродячихъ книгоношъ - торговцевъ, описательный рассказъ. XVII. Въ ст. „Водолазы“ описывается устройство водолазнаго колокола и новыхъ аппаратовъ для работъ подъ водою, причемъ живо указаны и тѣ опасности, которыя постоянно угрожаютъ водолазамъ. XVIII. „Сестра Марта“ представляетъ образецъ высокаго самоотверженія и горячей любви къ ближнимъ женщины, всецѣло посвятившей себя труду на пользу страждущихъ. XIX.—XX. „Томасъ Гудъ и Георгъ Краббъ“, біографическіе очерки двухъ англійскихъ писателей извѣстныхъ своею благотворительностью, любовію къ простому народу и страждущимъ ближнимъ. Три послѣдніе разсказа написаны очень тепло, задушевно и оставляютъ доброе впечатлѣніе въ читателѣ.

Принимая во вниманіе дѣльный выборъ матеріала, доброе нравственно-воспитательное направленіе книги „У рабочихъ людей“, Учебный комитетъ полагалъ бы возможнымъ одобрить ее для дѣтскаго чтенія. Издана книга, какъ всѣ изданія г. Острогорскаго, очень опрятно; текеть иллюстрированъ картинками.

3) „Въ своемъ кругу“. Разсматриваемая книга заключаетъ въ себѣ 29 рассказовъ. Подобно тому, какъ въ одобренной уже книгѣ дѣти въ рассказахъ „Среди природы“ знакомятся съ ея явленіями, такъ въ рассказахъ: „Въ своемъ кругу“ дѣти знакомятся съ разными фактами и явленіями жизни чело-вѣка; но авторъ не выдерживаетъ строго своего намѣренія, такъ и „Въ своемъ кругу“ встрѣчаются описательные рассказы, каковы: „Осель“, „Лисица“, „Заяцъ“, „Мои ящерицы“, „Рассказы про волковъ“, „Комары“, „Колошки“, „Листокъ бумаги“, „Старые книги“, „Голубиня почта“, „Сахарный клень“, и проч., которые уже переходятъ за предѣлы своего круга. Рассказы этой книжки всѣ почти имѣютъ нравственно-воспитательные характеръ и цѣли, какъ видно будетъ изъ краткаго ихъ обзорѣнія. Всѣ статьи довольно кратки, что для чтенія дѣтей представляетъ свои удобства, и довольно интересны по содержанію. Опуская статьи описательнаго характера, которыя во всемъ подобны помѣщеннымъ въ 1-й книгѣ „Нашей бібліотеки“ г. Острогорскаго, Комитетъ находитъ достаточнымъ остановиться на рассказахъ собственно „Въ своемъ кругу“. Ст. „Какъ приводитъ день Мери“ представляетъ рассказъ, имѣющій цѣлю внушить необходимость труда даже въ дѣтскомъ возрастѣ. Избалованная дѣвочка Соня, оставшись сироткой, случайно попадаетъ въ американское семейство, гдѣ всѣ члены семьи несутъ извѣстныя работы по домашнему хозяйству. Мери — американская дѣвочка—учитъ Соню всему, что надо ей дѣлать, пока та привыкаетъ къ новой обстановкѣ. Вотъ содержаніе разсказа, который написанъ и читается довольно живо и легко. Можно пожалѣть только, что ав-

торъ избралъ для своей цѣли не русскую, а иноземную жизнь. Самое имя „Мери“ вмѣсто русскаго „Маша“, звучитъ чѣмъ то совершенно чуждымъ для русскаго уха. Въ ст. „Моя мать“ также описывается трудовая жизнь одной женщины, которая, оставшись сиротой, испытала горе и нужду житейскую, рассказываетъ о томъ своей дочери. Написанъ рассказъ весьма тепло и симпатично.

Въ рассказѣ: „Дѣтство Карла Линнея“ описывается, какъ мальчикъ, въслѣдствіи знаменитый натуралистъ, провелъ дѣтскіе годы въ бѣдной семьѣ, въ нуждѣ, и какъ зародилась въ немъ любовь къ растительному царству, изученію котораго онъ посвятилъ свою жизнь. Рассказъ написанъ довольно сухо, но содержаніе его интересно. „Нежданное горе“ представляетъ довольно слабый рассказъ изъ школьной жизни. Въ бѣдной школѣ жилъ очень добрый и всѣми любимый учитель. Дѣти готовились на праздникахъ весело провести съ нимъ время и готовили съ нимъ пѣсни; вдругъ учитель захворалъ,—это и есть „нежданное горе“; затѣмъ учитель поправился. Рассказъ производитъ очень блѣдное впечатлѣніе.

Въ повѣсти „Иванъ Ивановичъ“ авторъ имѣетъ цѣлю вызвать состраданіе къ бѣдному труженику-старуку, котораго нужда заставила посвятить себя жалкому ремеслу танцовальнаго учителя. Всю жизнь онъ посвятилъ труду для счастья сына и старухи-матери, зарабатывая имъ своимъ искусствомъ обезпеченіе. Старикъ умираетъ въ бѣдности, покидая свою старуху-мать. Впечатлѣніе повѣсти тяжелое.

Въ рассказѣ: „Няня“ описывается старушка-няня, выхаживающая уже второе поколѣніе, всѣми любимая и уважаемая. Она кротко и добросовѣстно ухаживаетъ за маленькимъ Колей и когда мальчикъ падаетъ въ воду, то, не зирая на дряхлость, она самоотверженно бросается за нимъ. Рассказъ написанъ тепло и сочувственно.

Въ рассказѣ: „Барбось“ описываются грубыя и жестокия шалости мальчиковъ съ собакой, которая потомъ бѣсится, и кусаетъ мальчика, спасеннаго впрочемъ докторомъ. Слишкомъ очевидная намѣренность поученія отчасти портитъ рассказъ, имѣющій добрую цѣль — показать дѣтямъ несправедливость жестокаго обращенія съ животнымъ. „Рассказъ на-стуха“ представляетъ сироту-мальчика, который спасъ собаку и которому потомъ эта же собака оказала услугу. Цѣль тоже дидактическая. Рассказъ, повидимому, заимствованъ съ иностраннаго,—на это намекаетъ не русская картина при рассказѣ и то обстоятельство, что дѣйствіе происходитъ *на фермѣ*. Но авторъ старался, очевидно, приспособить рассказъ къ русскому быту, хотя и не удачно, потому что поддѣлка подъ простонародный стиль рѣчи никогда не бываетъ удачною и внесеніе въ рассказъ выраженій: *али, коли, каля-нать, албушка* и т. под. только портитъ чистоту рѣчи, не дѣлая ее народною.

Рассказъ: „Прерванная вечеринка“ прямо уже переноситъ дѣйствіе въ Вогезы. Содержаніе его взято изъ быта лѣтниковъ. Молодой чело-вѣкъ, занимавшійся воровствомъ лѣса, спасаетъ жизнь двухъ разбившихся лѣтниковъ, ухаживаетъ за ними, причемъ въ ихъ домѣ встрѣчаетъ милую и симпатичную дѣвушку Машу, которая производитъ на молодаго чело-вѣка глубокое впечатлѣніе, переходящее въ любовь, вслѣдствіе которой онъ бросаетъ свой дурной промыселъ и обращается къ честному образу жизни. Хотя рассказъ и слабъ по концессіи, тѣмъ не менѣе онъ оставляетъ доброе впечатлѣніе въ читателѣ.

Въ рассказѣ: „Маленькая сестренка“ описывается случай дѣтскаго самопожертвованія. Маленькая дѣвочка съ годовымъ

братомъ на рукахъ, увидѣвъ, что ей грозитъ опасность быть раздавлено громаднымъ дилижансомъ, жертвуя своею жизнью, спасаетъ малютку—брата. Разсказъ очень живъ и симпатиченъ.

„Старый инвалидъ“ — поучительный разсказъ, имѣющей цѣлю показать предосудительность и безсердечіе дѣтей, которыя рѣшаются смѣяться надъ безпомощною старостью. Сухая мораль, послужившая основою разсказа, много повредила его художественности и ослабила впечатлѣніе его на читателя.

„Колька“ разсказъ довольно слабый по выполнению. Въ разсказѣ описывается сынъ плохихъ родителей, еще въ дѣтствѣ мечтающій жить честно; трудящійся въ школѣ и имѣющій доброе вліяніе на товарищей. Когда отецъ „Кольки“ проигралъ казенныя деньги и долженъ былъ идти въ Сибирь, сынъ бросаетъ ученье, и въ виду слабости и старости родителей, идетъ съ ними въ Сибирь, чтобы облегчить ихъ судьбу. Въ статьѣ мало художественности, слишкомъ замѣтно, что она написана на заранѣе данную тему; неприятно также звучитъ полу-презрительное сокращеніе имени героя разсказа „Колька.“

„Папѣ-пастухъ“ турецкая сказка о томъ, какъ одного папу разжаловали и онъ, не зная никакого ремесла, натерпѣлся бѣдъ, пока не сталъ пастухомъ. Въ этомъ положеніи съ нимъ жила прекрасная дочь его, которую случайно увидѣлъ Юзофъ, сынъ султана. Дочь папы ему понравилась и онъ захотѣлъ жениться на ней; но папа-пастухъ потребовалъ, чтобы женихъ зналъ какое-нибудь ремесло и не отдавалъ дочери до тѣхъ поръ, пока Юзофъ не выучился плести корзины. Сказка читается легко.

Разсказъ: „Раздавили! человекъ раздавили!“ принадлежит перу извѣстнаго писателя Достоевскаго; написанъ онъ живо, но оставляетъ даже во взросломъ читателѣ тяжелое, мрачное впечатлѣніе; заключеніе его ставитъ семью раздавленнаго человека въ такую безвыходность, что нельзя не пожалѣть о внесеніи подобнаго разсказа въ собраніе статей для дѣтскаго чтенія. Могутъ сказать, что это впечатлѣніе хотя будетъ и рѣзко, но благотворно; оно пробудитъ сочувствіе въ ребенкѣ къ страждущему человекѣ, къ бѣдной семьѣ трудолюбиваго человека, вызоветъ даже практическое желаніе помочь бѣдняку, но все же подобное впечатлѣніе слишкомъ тяжело, и такъ какъ дѣти, особенно нервныя и впечатлительныя, легко поддаются возбужденію чувствъ, то мрачная картина страшнаго горя житейскаго и страданій невинно, случайно потерпѣвшаго человека, съ сознаніемъ собственнаго безсилія помочь этому горю, облегчить его, — можетъ принести дѣтямъ много страданія нравственнаго. Это разсказъ не для дѣтей.

Въ послѣднемъ разсказѣ: „Ворчунья“ теплыми и симпатичными чертами описывается полная добра и самоотверженія жизнь бѣднаго сельскаго священника, жена котораго „Ворчунья“ очень была недовольна тѣмъ, что старичекъ, забывая о себѣ, самоотверженно отдавался исполненію своего долга. Разъ въ сильную бурю священникъ, не смотря на протесты „Ворчуньи“, отправился для исполненія своихъ обязанностей, и сломалъ себѣ ногу. Это однако-же не помѣшало ему и больному дѣлать добро. Разсказъ очень живъ и оставляетъ сердечное доброе впечатлѣніе.

Такимъ образомъ, хотя нѣкоторые разсказы этого тома „нашей библіотеки“ и нельзя признать вполне удачными, тѣмъ не менѣе въ цѣломъ книга и по направленію своему, и по содержанію заслуживаетъ одобренія для библіотекъ духовныхъ училищъ.

4) „Дѣтскій альманахъ.“ Эта книга заключаетъ въ себѣ 18

небольшихъ статей и „Смѣсь“ естественно-историческаго содержания. „Небольшое зимнее путешествіе“ представляетъ описаніе зимы въ разныхъ странахъ. Разсказъ довольно интересенъ; только въ языкѣ его есть обмолвки (напр. на стр. 9—море „только разъ было замерзши все сплошь“). „Наводненія 1875 г.“ взяты изъ современной жизни. Какъ извѣстно, въ этомъ году были опустошительныя наводненія въ западной Европѣ и у насъ на югѣ Россіи. Особенно живо описано наводненіе въ Тулузѣ, гдѣ погибло до 2 тыс. людей; за тѣмъ наводненіе въ Америкѣ. „Миклуха Маклай“ представляетъ очеркъ жизни и дѣятельности смѣлаго русскаго путешественника-натуралиста, который и теперь находится на островахъ Нов. Гвинеи. Затѣмъ идутъ мелкія замѣтки: „Во сколько дней можно совершить кругосвѣтное путешествіе?“ — „Какъ быстро могутъ двигаться машины и животныя?“ „Тоннель между Англійей и Франціей“ (въ проектѣ); „Пловцы“ (Веббъ, Тоблеръ, Бойтонъ); „Глубокъ ли Атлантическій океанъ?“ „Воздушное путешествіе Тиссандье, Кроче и Сивеля“ знакомитъ юныхъ читателей съ опасностями воздухоплаванія. Здѣсь же замѣтка: „Необыкновенной величины градъ“ передаетъ случай, бывшій въ іюнѣ 1875 г. въ Россіи, когда выбило у крестьянъ хлѣба на 50 тысячъ. Очень живо написанный разсказъ: „Какъ проводятъ праздникъ Рождества въ разныхъ странахъ“ дѣти прочтутъ съ удовольствіемъ. Статьи „Новый годъ“ заключаетъ въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о празднованіи новаго года. „Рождественскій разсказъ“, очевидно переводъ съ англійскаго, написанъ очень бойко, живо и интересно. Дѣтямъ разсказъ этотъ, навѣрно, понравится, впечатлѣніе онъ оставляетъ хорошее. „Педро Серрано—настоящій Робинзонъ“, представляетъ очень интересный разсказъ для дѣтей о томъ, какъ Серрано попалъ на необитаемый островъ и принужденъ былъ жить жизнью дикаря. Какъ извѣстно, робинзоновскія похождения составляютъ для дѣтей любимое чтеніе, а похождения Серрано служили прототипомъ извѣстнаго разсказа де-Фоэ. Что касается разсказа: „Умная собака“, то онъ маловѣроятенъ, по крайней мѣрѣ собака здѣсь представлена слишкомъ умною и способною къ очень сложнымъ соображеніямъ. „Майскій союзъ въ Финляндіи“ представляетъ одну изъ мѣръ противъ истребленія птичекъ и вообще противъ жестокаго обращенія съ животными. „Смѣсь“ представляетъ мелкія извѣстія, свѣдѣнія, задачи и проч. Вообще говоря, хотя составъ „альманаха“ и не представляетъ особенныхъ достоинствъ, тѣмъ не менѣе книжка можетъ быть одобрена для дѣтскаго чтенія, такъ какъ въ ней собранъ матеріалъ довольно обильный и порою интересный, могущій послужить для удовлетворенія дѣтской любознательности.

На основаніи всего вышеизложеннаго, Учебный Комитетъ полагалъ бы: изданныя г. Острогорскимъ книги подъ названіемъ: 1) „По бѣлу свѣту“ (С.-Петербургъ, 1876 г.); 2) „У рабочихъ людей“ (С.-Петербургъ, 1876 г.); 3) „Въ своемъ кругу“ (С.-Петербургъ, 1875 г.), и 4) „Дѣтскій альманахъ“ (С.-Петербургъ, 1876 г.), составляющія часть предпринятаго имъ изданія цѣлага ряда книгъ для дѣтскаго чтенія, подъ общимъ наименованіемъ: „Наша библіотека“, одобрить для приобрѣтенія въ фундаментальныя и ученическія библіотеки тѣхъ духовныхъ училищъ, въ которыхъ не получается издаваемый г. Острогорскимъ же журналъ: „Дѣтское чтеніе“, откуда перепечатаны вышеозначенныя книги.

(Церк. Вѣстн. № 1.)

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ

І. Благодарственное молебствіе.

10 сего мая въ праздник Вознесенія Господня въ Варшавскомъ Каѳедральномъ Соборѣ послѣ божественной литургіи, по прочтеніи Высочайшаго Манифеста по случаю совершеннолѣтія Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Николая Михайловича, Высокопреосвященнымъ Леонтіемъ Архіепископомъ Холмскимъ и Варшавскимъ совершенно благодарственное Господу Богу молебствіе въ присутствіи военныхъ и гражданскихъ властей. Въ тотъ-же день отслужено такое же молебствіе во всѣхъ церквяхъ г. Варшавы.

2. Паломничество въ Кіевъ изъ Холмско-Варшавской паствы.

Въ видахъ содѣйствія утверженію православія въ воссоединенныхъ приходахъ Люблинской губерніи, въ прошломъ 1878 году люблинскій губернаторъ исходатайствовалъ разрѣшеніе г. Варшавскаго Генераль-Губернатора на отправленіе въ Кіевъ нѣкоторыхъ прихожанъ воссоединенныхъ церквей, для поклоненія тамошнимъ святынямъ, съ назначеніемъ 500 рублей изъ казны въ пособіе на путевые расходы паломниковъ при бесплатномъ проѣздѣ по желѣзной дорогѣ. Сообразно съ размѣромъ пособія, составъ паломничества опредѣленъ былъ въ 74 человекъ при восьми священникахъ, которые избраны по собственному ихъ желанію и по соглашенію съ духовнымъ начальствомъ; но съ наступленіемъ поздней осени отправленіе ихъ въ Кіевъ отложено было до настоящей весны. Затѣмъ въ м. мартѣ, при посѣщеніи гор. Люблина преосвященнымъ Модестомъ епископомъ Люблинскимъ, викаріемъ Холмско-Варшавской епархіи, между Его Преосвященствомъ и Начальникомъ Люблинской губерніи, съ утвержденія Высокопреосвященнаго Леонтія Архіепископа Холмскаго и Варшавскаго, послѣдовало соглашеніе объ отправленіи паломниковъ въ Кіевъ въ первыхъ числахъ апрѣля, чтобы доставить имъ возможность присутствовать тамъ при торжественныхъ богослуженіяхъ свѣтлой седмицы. Вслѣдствіе сего, по распоряженію люблинскаго губернатора, всѣ изъявившіе желаніе посѣтить Кіевъ, для поклоненія тамошнимъ святынямъ, собрались въ г. Холмъ 4 апрѣля и того-же дня отправлены по желѣзнымъ дорогамъ къ назначенному мѣсту. Въ составъ настоящаго паломничества входили 58 мужчинъ (въ томъ числѣ считается проживающій въ Люблинѣ б. греко-уніатскій священникъ Михайлъ Липкевичъ), 16 женщинъ и восемь священниковъ изъ воссоединенныхъ приходоѡ, и вмѣстѣ съ этими паломниками въ качествѣ руководителя ихъ, по предложенію преосвященнаго Модеста, отправился настоятель холмской древле православной церкви священникъ Николай Страшкевичъ, какъ знакомый съ Кіевомъ, гдѣ онъ получилъ высшее образованіе въ тамошней духовной академіи. Къ числу означенныхъ паломниковъ присоединились еще три крестьянина изъ прихода Жданное красноставскаго уѣзда, пожелавшіе отправиться въ Кіевъ на собственный счетъ. Всѣ эти богомольцы прибыли въ Кіевъ 6 апрѣля и тамъ были встрѣчены и принимаемы съ особеннымъ вниманіемъ; они посѣтили многіе храмы, кромѣ находящихся въ лаврѣ, присутствовали при богослуже-

ніяхъ совершаемыхъ съ подобающею торжественностію, осматривали ризницу и другія драгоценности церковной утвари, наконецъ посѣтили пещеры, въ которыхъ покоятся мощи святыхъ угодниковъ Божіихъ. Кіевскія святыни произвели на паломниковъ глубокое впечатлѣніе и всѣ они съ чувствомъ истиннаго благоговѣнія исповѣдались и Святыхъ Таинъ причастились въ великой церкви Кіево-Печерской лавры 8 апрѣля. На память посѣщенія Кіева пріобрѣтено тамъ для паломниковъ достаточное количество крестиковъ, иконъ и книжекъ съ описаніемъ подвиговъ св. угодниковъ. 12 апрѣля означенные паломники возвратились изъ Кіева благополучно и вполнѣ оправдали тѣ ожиданія, какія соединены были съ предпринятымъ паломничествомъ.

3. Возсоединеніе б. греко-уніатскаго священника.

Въ числѣ отправлявшихся въ Кіевъ холмско-варшавскихъ паломниковъ находился, какъ выше замѣчено, б. греко-уніатскій холостой священникъ Михайлъ Липкевичъ, изъявившій задушевное желаніе поклониться кіевскимъ святынямъ. Почти до конца 1873 года Липкевичъ былъ настоятелемъ греко-уніатскаго—нынѣ православнаго—прихода Городокъ Надбужный грубешовскаго уѣзда и, по свидѣтельству гражданскихъ властей, считался замѣчательнымъ проповѣдникомъ и однимъ изъ способнѣйшихъ священниковъ б. холмской епархіи; а съ возникновеніемъ въ средѣ ея стремленія къ воссоединенію съ православіемъ, онъ относился къ этому дѣлу ревностно и первый изъ уніатскаго духовенства началъ произносить проповѣди на русскомъ языкѣ. Но постигшая Липкевича болѣзнь прекратила благонамѣренную его дѣятельность. Уволенный въ 1873 году 27 ноября по умственному разстройству отъ должности настоятеля названнаго прихода, священникъ Липкевичъ помѣщенъ былъ для излеченія въ люблинской больницѣ св. Іоанна, съ производствомъ на его содержаніе и леченіе изъ казны по 219 рублей въ годъ. Въ началѣ пребыванія Липкевича въ больницѣ состояніе его здоровья было неоднократно свидѣтельствуемо и при этомъ врачи признали, что онъ страдаетъ не умственнымъ разстройствомъ, которое у него предполагалось, а только „раздраженіемъ чувственныхъ нервовъ“. Общее возсоединеніе холмскихъ уніатовъ въ 1875 году застало Липкевича въ тойже люблинской больницѣ, въ которой онъ оставался, съ нѣкоторымъ перерывомъ, до конца 1877 года. Затѣмъ, когда врачи, по новомъ освидѣтельствованіи санитарнаго состоянія Липкевича признали его совершенно здоровымъ, тогда люблинскимъ губернаторомъ сдѣлано распоряженіе о выпискѣ его изъ больницы съ прекращеніемъ отпуска суммы на его содержаніе и леченіе и съ разрѣшеніемъ ему проживать временно въ г. Люблинѣ. Въ прошломъ же 1878 году, по ходатайству г. Варшавскаго Генераль-Губернатора, г. управлявшій Министерствомъ—нынѣ министръ—внутреннихъ дѣлъ назначилъ священнику Липкевичу изъ экстраординарной суммы греко-уніатскаго духовенства ежегодное пособіе въ 200 рублей, съ отпускомъ этого пособія съ начала того-же года и съ дозволеніемъ названному священнику оставаться на жительствѣ въ г. Люблинѣ. Въ текущемъ году, избранный по собственному желанію въ составъ предпринятаго паломничества въ Кіевъ, священникъ Липкевичъ 4 апрѣля прибылъ въ Холмъ для совмѣтнаго отправленія оттуда со всѣми паломниками на поклоненіе кіевскимъ свя-

тынямъ и на холмскомъ бангофѣ желѣзной дороги объявилъ священнику Николаю Страшкевичу о своемъ рѣшительномъ желаніи соединиться въ Кіевѣ съ православною церковію. Вслѣдствіе сего священникъ Страшкевичъ телеграммою испрашивалъ разрѣшенія высокопреосвященнаго Леонтія на воссоединеніе Лишкевича. По пріѣздѣ паломниковъ изъ Холма въ Кіевъ 6 апрѣля, сопутствовавшіе имъ священники, посѣтивъ намѣстника Кіево-печерской лавры архимандрита Иларіона, узнали отъ него о полученіи на имя его изъ Варшавы телеграммы Его Высокопреосвященства, разрѣшающей воссоединить священника Лишкевича; такое же разрѣшеніе получено архимандритомъ Иларіономъ отъ высокопреосвященнѣйшаго митрополита Филоея. На основаніи архипастырскихъ разрѣшеній воссоединеніе священника Лишкевича, по взятіи отъ него подписки въ неуклонномъ послушаніи св. православной церкви, совершено слѣдующимъ порядкомъ: 8 апрѣля въ великой церкви кіевопечерской лавры совершалъ литургію намѣстникъ лавры въ сослуженіи съ 9 прибывшими изъ холмско-варшавской епархіи пресвитерами: протоіереемъ Кирилломъ Хрущевичемъ и священниками: Николаемъ Страшкевичемъ, Іоанномъ Киричинскимъ, Несторомъ Слабевичемъ, Антоніемъ Гисовскимъ, Евгеніемъ Чайковскимъ, Θεофиломъ Зарембою, Мирономъ Гумецкимъ и Адріаномъ Зарембою. Во время этой литургіи священникъ Лишкевичъ, предварительно исповѣдавшись и по уставу приготовившись къ св. причащенію, сначала присутствовалъ въ олтарѣ до пѣнія символа вѣры, не облаченный въ священныя одежды и читалъ литургійныя молитвы; затѣмъ ектесіархомъ Великой церкви архимандритомъ Валентиномъ онъ приведенъ былъ изъ олтаря предъ царскія врата, приложился къ чудотворной иконѣ Божіей Матери и произнесъ во всеуслышаніе символъ вѣры; потомъ, возвратясь въ олтарь, облачился во все священныя одежды и сталъ участвовать въ дальнѣйшемъ совершеніи литургіи, въ концѣ которой читалъ заамвонную молитву. Благодаря отеческой распорядительности намѣстника лавры, при этой литургіи все холмско-варшавскіе паломники-міряне, для огражденія отъ натиска многочисленныхъ богомольцевъ, стояли между иконостасомъ и рѣшоткою, бывъ такимъ образомъ ближайшими зрителями великолѣпія лаврекаго собора и торжественности совершавшагося въ немъ священнослуженія и воссоединенія священника Лишкевича, и все они на тойже литургіи сподобились причаститься Св. Тайнъ.

Редакторъ, Протоіерей, І. Корженевскій.

ОТДѢЛЪ II.

С Л О В О

въ день св. великомученина Георгія, сказанное въ Новогеоргіевскомъ крѣпостномъ соборѣ 23 апрѣля 1879 г. высокопреосвященнымъ Леонтіемъ, архіепископомъ Холмско-Варшавскимъ.

Придеть часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнтся службу приносити Богу (Іоан. 16, 2).

Печальное предсказаніе Господа Иисуса Христа скоро начало исполняться. Первымъ мученикомъ за вѣру во Христа былъ св. архидіаконъ Стефанъ. Сильная обличительная рѣчь его въ защиту истины до того раздражила злобныхъ іудеевъ, что они побии его камнями (Дѣян. 6, 8—7, 60). За св. Стефаномъ слѣдовалъ цѣлый рядъ исповѣдниковъ и мучениковъ, которые запечатлѣвали свою вѣру смертію, или точнѣе, умерщвленіемъ отъ руки враговъ христіанства. Все апостолы, за исключеніемъ Іоанна Богослова, скончались мученически. Проходили вѣка, но страшныя преслѣдованія исповѣдниковъ Христовыхъ не прекращались, пока христіанская религія не сдѣлалась торжествующею и не возсѣла на престолѣ въ лицѣ равноапостольнаго царя Константина.

Къ числу страдальцевъ за Христа принадлежитъ, праздуемый нынѣ нами покровитель храма сего, св. Георгій. Онъ называется великомученикомъ, потому что претерпѣлъ великія истязанія и мученія, и наконецъ былъ обезглавленъ. Онъ пострадалъ въ 304-мъ г. по Р. Х. при Діоклитіанѣ, особенно жестокомъ гонителѣ христіанъ.

Слушатели! Преклонимся съ благоговѣніемъ предъ св. великомученикомъ Георгіемъ и предъ всеми страдальцами-мучениками, предъ ихъ твердостію и непреклонностію въ исповѣданіи имени Христова, предъ ихъ смертію, послужившею переходомъ къ блаженной жизни съ Господомъ, и будемъ просить ихъ объ утвержденіи насъ въ вѣрѣ и терпѣніи христіанскомъ.

Но откуда св. мученики почерпали силу твердости и терпѣнія? Въ чемъ заключалась причина ихъ непреодолимаго мужества въ перенесеніи страданій? Въ ясномъ, сознательномъ и всецѣломъ убѣжденіи, что они страдаютъ и умираютъ за истину, за Христа Спасителя, чтобы чрезъ смерть соединиться съ Нимъ, быть съ Нимъ, по слову Его: *гдѣ Я, тамъ и слуга мой будетъ* (Іоан. 12, 26), — *Я иду приготовить мѣсто вамъ* (Іоан. 14, 2). Эта твердая увѣренность въ непреложности обѣтованія Господа, соединенная съ пламенною любовію къ Нему, и служила причиною непоколебимости мучениковъ въ самыхъ стра-

шнихъ мученіяхъ. Не фанатизмъ руководилъ страдалцевъ за Христа, какъ думаютъ непонимающіе страданій за истинныя убѣжденія, а ревность по вѣрѣ, основанная на ясномъ пониманіи христіанства, на правильномъ понятіи значенія жизни временной и вѣчной. Можно ли называть фанатиками тѣхъ, которые, сознавая сами ясно истину, защищали ее противъ всѣхъ нападокъ на нее, обличали ложь своихъ мучителей безбоязненно, доказывали тщету идолопоклонства и новоудейства неотразимо! Напротивъ, по всей справедливости, фанатиками должно назвать гонителей и мучителей христіанъ; потому что въ основѣ ихъ религіозныхъ вѣрованій лежала ложь, которой не могли защитить основательно признававшіе ее за истину, и упорствомъ своимъ доказывали невѣжество свое и жестокосердіе. Упорствовать во лжи, въ ложныхъ вѣрованіяхъ, когда представляется полная возможность разубѣдиться въ ней, тѣмъ болѣе заставлятъ отвергающихъ ее страдать и мучиться—не верхъ ли это слѣпаго фанатизма! Думать, что убивая христіанъ, приносишь службу Богу — не верхъ ли это безумія? Однакожъ и въ наши еще времена проявляется такое безуміе, какъ видимъ изъ свѣжихъ еще примѣровъ въ дѣйствіяхъ магометанъ, для которыхъ убить гяура—христіанина — значитъ показать доблесть правовѣрнаго, какъ доказываютъ опыты евреевъ, для которыхъ, по ученію талмуда, дѣлать всякое зло христіанину нисколько не предосудительно. Препятствовать всѣми мѣрами обращенію соплеменниковъ въ христіанство,—еврей каждый считаетъ своимъ долгомъ. Многіе возмутительные случаи преслѣдованія евреями желающихъ просвѣтиться св. крещеніемъ изъ ихъ единовѣрцевъ извѣстны вамъ изъ газетныхъ свѣдѣній; а сколько ихъ остается неизвѣстными многимъ!

Чѣмъ же объяснить происхожденіе и проявленіе религіознаго фанатизма? Невѣжествомъ и недостаткомъ любви къ ближнимъ. Чѣмъ кто вѣрнѣе и яснѣе понимаетъ истину, тѣмъ онъ разсудительнѣе. Но истина только въ христіанствѣ. Христосъ Спаситель—*свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12); *Онъ просвѣщаетъ всякаго человека* (Іоан. 1, 9), который послѣдуетъ за Нимъ (Іоан. 8, 12). Въ ученія Христова, къ которому приготавливали всѣ ветхозавѣтныя писанія, нѣтъ чистой и святой истины религіи: ибо Христосъ, какъ Богъ, есть ея первоисточникъ (Іоан. 1, 17; 14, 6). И кто дѣятельно вѣруетъ во Христа, тотъ и уразумѣетъ, что ученіе Его божественно (Іоан. 7, 17). Проникнутый симъ ученіемъ человекъ—будетъ убѣждать другихъ заблуждающихся словомъ любви, а не истязаніями и умерщвленіемъ въ случаѣ упорства. Наоборотъ — односторонность убѣжденія, закоренѣлое заблужденіе, нежелающее всесторонне вникнуть въ предлагаемое ученіе истинно божественное, не-

премѣнно отразится жестокостію къ держащимся противныхъ мнѣній, по самой узкости взгляда на предметъ, не озаряемаго свыше свѣтомъ духовнымъ — отъ Бога. Христіанство научаетъ насъ смотрѣть на всѣхъ людей — какъ на ближнихъ, какъ на братій своихъ по естеству; а всѣ ложныя религіи ограничиваютъ любовь только ближайшими родными или, по большей мѣрѣ, единовѣрцами. Въ такихъ понятіяхъ можно ли ожидать безпристрастнаго, истинно челоувѣческаго отношенія людей, чуждыхъ ученія христіанскаго, къ подобнымъ себѣ по естеству людямъ, но разнящимся существенно своею вѣрою? Съ терновника не собираютъ винограда и съ репейника не собираютъ смоквъ (Мѡ. 7, 16).

Скажете: въ наше время и въ христіанскомъ мѣрѣ столько бываетъ убійствъ, что невольно изумляешься дикимъ проявленіямъ изувѣрства людей, называющихся однакожъ христіанами. Правда, убійства и разныя жестокости надъ ближними совершаются не за вѣру, не изъ фанатизма религіознаго, но все таки рождается вопросъ: чѣмъ объяснить явленіе дикихъ, безчеловѣчныхъ злодѣяній нѣкоторыхъ христіанъ?

Самый вопросъ такой, братія мои, возбуждаетъ въ душѣ нашей горечь и скорбь. Стыдно становится за людей, носящихъ имя христіанъ, и совершающихъ злодѣянія хуже язычниковъ, ужасающія даже невѣрныхъ. Эти люди *отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ* (1 Іоан. 2, 19). Нравственный характеръ ихъ складывается или подъ вліяніемъ невѣжества, незнанія духа христіанскаго ученія, отъ чего является развращеніе воли; или подъ вліяніемъ отрицанія божественныхъ истинъ, подъ вліяніемъ невѣрія, отъ чего происходитъ развращеніе ума и превратный взглядъ на міръ и жизнь, сопровождающійся безобразными дѣйствіями. Можно-ли ждать христіанскихъ дѣйствій въ отношеніи къ ближнимъ отъ христіанина, при полномъ невѣжествѣ его въ познаніи своей вѣры, огрубѣвшаго въ жизни и руководящагося въ дѣлахъ своихъ страстями своей животной только природы? И вотъ онъ дѣлается нерѣдко похожимъ на звѣря по своимъ поступкамъ. Можно-ли ожидать добрыхъ, христіанскихъ отношеній къ ближнимъ и отъ человека образованнаго, знающаго сущность христіанства,—но не вѣрующаго въ него, отвергающаго его догматы, и даже болѣе того—отвергающаго бытіе Бога и безсмертіе души? Убѣжденія здѣсь дѣйствуютъ на волю, растлѣніе ума портитъ сердце, и отсюда исходятъ, по слову Господа, злыя помыслы, убійства (Мѡ. 15, 19). И вотъ—по имени христіанина, а по убѣжденіямъ нигилиста, — готовъ на всякое преступленіе для своихъ корыстныхъ цѣлей; во имя ложныхъ и зловредныхъ идей онъ разрушаетъ благосостояніе ближняго, нарушаетъ порядокъ общественный и не щадитъ жизни другого, хотя и

самъ подвергается опасности. Не достойно ли сожалѣнія появленіе въ христіанскомъ мірѣ подобныхъ людей? А таковыхъ не малое число. Кому же они приносятъ службу? Не виновнику ли всѣхъ бѣдъ на землѣ, всякаго зла и безпорядка—дѣволу? Великое безчестіе быть служителемъ лукаваго врага рода чело-вѣческаго, который былъ челоуѣкоубійцею отъ начала, и не устоялъ въ истинѣ, ибо онъ лжецъ и отецъ лжи, по выраженію Господа (Іоан. 8, 44).

Братія! Нашъ долгъ, долгъ всѣхъ вѣрующихъ христіанъ, не только самимъ быть вѣрными до самоотверженія чадами св. церкви, исповѣдниками вѣры, но и вразумлять безчинныхъ (1 Тим. 5, 14), противляющихся истинѣ обличать и наводить на путь правды. Исполняя этотъ долгъ, мы явимъ себя достойными своего имени послѣдователями Христа Спасителя, подражателями св. исповѣдниковъ и мучениковъ, вѣрными слугами Царя небснаго и царя земнаго, споспѣшниками общественаго блага, съ которымъ неразрывно соединено и наше частное благо. Аминь.

О Янѣ Непомуцкомъ, іезуитско-габсбургскомъ святомъ.

Кому случалось путешествовать по землямъ б. Рѣчипосполитой польской и Священной римской имперіи, тотъ не могъ не обратить вниманія на безчисленныя деревянныя, каменные и металлическія изваянія, которыя торчатъ на перекресткахъ дорогъ, городскихъ площадяхъ, особенно же у мостовъ, и изображаютъ латинскаго ксендза, въ длинномъ подрясникѣ и короткой кружевной рубахѣ поверхъ его, въ четырехугольной шапочкѣ, съ лицомъ обращеннымъ къ распятію, которое фигура держитъ въ рукахъ. Изъ семизвѣзднаго ореола, окружающаго голову фигуры, видно, что она представляетъ латинскаго святого. Что же это за святой? Должно быть „велиій въ царствіи Божіемъ“, такъ какъ и ликъ Спасителя не столь часто видѣется въ тѣхъ странахъ, какъ упомянутое изваяніе! Можно бы подумать, что это образъ Іоанна Крестителя, о которомъ сказано, что „не воста въ рожденныхъ женами болій его“ (Мат. XI, 11), и который, крестивъ Христа въ Іорданѣ, могъ представляться людямъ въ связи съ водной стихіей, влѣдствіе чего мосты могли бы быть приличнымъ мѣстомъ для его изваяній. Но нѣтъ, фигуры, о которыхъ идетъ рѣчь, изображаютъ не Іоанна Крестителя, а святого еще болѣе возвышеннаго по понятіямъ латинниковъ, именно: Яна Непомуцкаго! Если судить по распространенности его изображеній въ земляхъ польскихъ и габсбургскихъ, то

необходимо предположить, что по представленіямъ лицъ, соорудившихъ эти изваянія, слава и сила этого святого, на столько возвышается надъ уровнемъ всѣхъ остальныхъ святыхъ, на сколько орденъ іезуитовъ надъ другими орденами латинской церкви, или папа надъ прочими ея прелатами....

Кто же этотъ великій святой? Когда онъ жилъ и дѣйствовалъ? За какіе подвиги на пользу челоуѣчеству вознесенъ онъ выше всѣхъ апостоловъ, пророковъ, мучениковъ, исповѣдниковъ и учителей христіанской церкви?

Обращаемся къ церковной исторіи и узнаемъ, что Янъ Непомуцкій канонизованъ папою Бенедиктомъ XIII, 19 марта 1729 г., т. е. полтора года лишь лѣтъ тому назадъ. Изъ приложенной къ канонизаціонному акту легенды видно, что этотъ святой былъ Чехъ, жившій въ XIV в. и умершій 15 мая 1383 г. мученическою смертію за нежеланіе открыть королю Вячеславу IV исповѣдныя тайны его жены Іоанны, духовной дочери Непомуцкаго. Въ канонизаціонной буллѣ прямо казано: „Nos Joannem Nep. ob servatam legem arcani confessionis sacramentalis violenta nece peremptum consveto ecclesiae romanae ritu in sanctorum Christi martyrum canonem referre decrevimus“.

Итакъ не только главнымъ, но даже единственнымъ подвигомъ канонизованнаго въ 1729 г. святого: его вѣрность священнической обязанности — не открывать тайнъ, узанныхъ на исповѣди. Потому то и величаютъ Яна Н. церковноисторическія сочиненія protomartyr-омъ poenitentiae!

Допустимъ на минуту, что канонизаціонная легенда заключаетъ дѣйствительные факты и не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Является вопросъ: уже ли въ латинской церкви сохраненіе исповѣдной тайны представляется дѣломъ столь рѣдкимъ, явленіемъ столь исключительнымъ и необыкновеннымъ, что дознанный примѣръ такого сохраненія служить достаточнымъ основаніемъ не только для канонизаціи пострадавшаго лица, но и для вознесенія его на пьедесталъ высоты поднебесной?

Съ точки зрѣнія православной церкви священникъ, хранящій тайну исповѣди, есть явленіе нормальное, обычное, обязательное; нарушитель же исповѣдной тайны былъ бы клятвопреступникомъ и такимъ же измѣнникомъ своему долгу и чести, какъ знаменосецъ, выдавшій врагамъ вѣренное ему знамя полка! Уже ли же церковь должна возводить въ святые каждаго воина, положившаго голову при оборонѣ довѣреннаго ему поста, и каждаго духовника, не измѣнившаго исповѣдной тайны даже подъ страхомъ смерти?

Только полная деморализація латинскаго духовенства, обратившаго исповѣдь въ средство политической и общественной пропаганды съ одной сторо-

ны, и въ орудіе семейнаго шпіонства съ другой, могла составить тотъ темный фонъ, на которомъ образъ охранителя исповѣдной тайны выдѣлялся бы въ столь ослѣпительномъ блескѣ!

Во всякомъ случаѣ, трудно себѣ представить, чтобы подобный подвигъ, еслибы онъ даже былъ исполнѣ историческимъ, могъ неотразимо дѣйствовать на народное воображеніе и чувство, безъ какихъ нибудь особенныхъ искусственныхъ пріемовъ со стороны лицъ заинтересованныхъ. Мы понимаемъ народный культъ тѣхъ святыхъ, которые внесли въ общественную жизнь какія нибудь новыя плодотворныя идеи или содѣйствовали ихъ распространенію въ народѣ, культъ напр. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, русскаго князя Владиміра, сербскаго архіепископа Савы и т. п. Дѣятельность подобныхъ людей на цѣлые вѣка опредѣлила ходъ народной жизни; ихъ имя дало названье особымъ эпохамъ народной исторіи. Но Янъ Непомуцкій—чѣмъ извѣстенъ онъ въ лѣтописяхъ не то что всемірной, а хотя бы одной чешской исторіи? Какой вѣкъ, десятилѣтіе, даже годъ могли бы быть безъ смѣха окрещены его именемъ? Безызвѣстный и заурядный пражскій каноникъ, казненный, подобно безчисленному множеству другихъ въ средніе вѣка, за столкновение со свѣтскою властью, положимъ даже по капризамъ своего государя: что тутъ необыкновеннаго, всемірно-историческаго, святаго?

По легендѣ Янъ Непомуцкій казненъ въ концѣ XIV в. Двѣ-три хроники посвятили этому „событію“ по нѣскольку строчекъ и затѣмъ оно было забыто міромъ на триста лѣтъ. Когда знаменитый чешскій ученый XVII в. іезуитъ Бальбинъ составлялъ въ 1680 г. житіе Непомука, то память о немъ на столько повыходилась, что біографистъ или лучше легендистъ не могъ уже опредѣлить не только года и причинъ казни своего героя, но даже удостовѣрить тожество Непомука легендарнаго съ Помукомъ историческимъ! Въ самомъ дѣлѣ, Бальбинъ утверждалъ, что во второй половинѣ 14-го вѣка въ Чехіи жили два ксендза, посившіе тоже имя Яна изъ Непомука или Помука: первый изъ нихъ былъ исповѣдникомъ королевы Иоанны и казненъ за охраненіе исповѣдной тайны въ 1383 г.; второй же былъ викаріемъ пражскаго архіепископа и утопленъ въ 1393 г. за мятежное участіе въ дѣлѣ о замѣщеніи Кладрубскаго аббатства. Это мнѣніе Бальбина было раздѣляемо въ 17 в. другими церковными историками: оно усвоено было и папою Бенедиктомъ XIII, съ его кардиналами, вслѣдствіе чего и канонизаціонная грамота знаетъ двухъ Непомуковъ:—1) исповѣдника и 2) викарія, при чемъ лишь первый причисленъ папою къ лику святыхъ. А между тѣмъ изъ историческихъ розысканій съ полной несомнѣнностію оказывается,

что Янъ-исповѣдникъ есть лицо мнѣшеское, никогда не существовавшее; жилъ же въ 14 в. и былъ казненъ Янъ—викарій, лицо, противъ признанія святости котораго канонизаціонные акты прямо протестуютъ.

Не должна ли считаться совершенно микроскопическою въ исторіи личность, оставившая за собой лишь туманную тѣнь, которая на разстояніи какихъ-нибудь 200—300 л. уже двоится въ глазахъ даже такихъ опытныхъ и осторожныхъ наблюдателей, какими нельзя не признать Бальбина и ватиканскихъ канонизаторовъ, — съ „непогрѣшимымъ“ папою во главѣ!

Да не подумаетъ читатель, будто мысль о фиктивности Непомука—исповѣдника принадлѣжитъ автору этихъ строкъ. Уже во время самого канонизаціоннаго процесса было высказано однимъ изъ членовъ римской конгрегаціи, именно *promotor*-омъ *fidei* Ламбертини, сомнѣніе въ вѣрности данныхъ бальбиновой легенды о Непомукѣ¹⁾. Несостоятельность послѣдней была доказана впоследствии знаменитымъ чешскимъ критикомъ прошлаго вѣка Добнеромъ: при всемъ своемъ пристрастіи къ интересамъ чешскаго клира, котораго онъ самъ былъ членомъ, Добнеръ не могъ скрыть, что легенда о двухъ Непомукахъ есть мнѣе, такъ какъ первый изъ нихъ (т. е. канонизованная святой) никогда не существовалъ! Напрасно старались потомъ отстоять эту двойственность эксъ-іезуиты І. Добровскій и Ф. Пубичка: даже ихъ талантъ и ученость не могли уже спасти исторической фикціи! Палацкій призналъ доводы Добнера несравненно болѣе убѣдительными, чѣмъ Добровскаго. Въ виду неопровержимыхъ фактовъ должны были наконецъ и писатели ультрамонтанскаго направленія, какъ напр. Гинцель, Гефлеръ, Вюрфель, Фриндъ, Новакъ и др. признать фиктивность перваго Непомука²⁾. Они выражаютъ уже желаніе и надежду, что эта ошибка будетъ устранена папою и изъ канонизаціоннаго акта: но послѣдній есть уже достояніе исторіи и навсегда останется свидѣтелемъ злополучной ошибки, совершенной клеветами „непогрѣшимаго“! И мы имѣемъ полное право громко заявить, что Янъ Непомукъ, *protomartyr poenitentiae*, есть пустой мнѣе, созданный ошибками людей и злой проной исторіи!...

Какъ же создавался этотъ великій пучокъ церковной исторіи запада? Кто былъ первымъ виновникомъ обмана? Оказывается, что таковымъ былъ знаменитый въ 16 и 17 вв., но развѣнчанный Добнеромъ, чешскій хронистъ 16-го вѣка Вячеславъ Гаекъ (+ 1553 г.). Въ своей „*Kronika Česka*“ (1541 г.) онъ вывелъ на сцену чешской исторіи 14 в. двухъ Яновъ

1) Ср. Encyklopedja Kościelna. Warszawa. VIII, 497.

2) Ср. Encykl. Kosc. VIII, 499 с.

изъ Непомука или Помука: 1) Яна-исповѣдника, казненнаго якобы въ 1383 году и 2) Яна-викарія, утопленнаго 10 лѣтъ спустя. Откуда заимствованы эти свѣдѣнія Гаекъ? Единственно изъ разногласія старыхъ источниковъ касательно званія Яна изъ Помука, а также причинъ и года его смерти. Встрѣчая въ однихъ рукописяхъ обозначеніе Помука архіепископскимъ викаріемъ, казненнымъ въ 1393 г. за участіе въ дѣлѣ объ аббатствѣ кладрубскомъ, а въ другихъ—королевскимъ капелланомъ, утопленнымъ за храненіе исповѣдной тайны въ 1383 г., Гаекъ вообразилъ себѣ, что имѣетъ предъ собою два разныхъ лица. Съ легкой руки Гайка всѣ послѣдующіе чешскіе писатели 16 и 17 в., какъ напр. Дубрава, Борегъ, Понтанъ, Кругеръ, Пешина, принимали двухъ Яновъ изъ Непомука или Помука. Ихъ примѣромъ увлекся Бальбинъ, а наконецъ и самъ папа съ сотрудниками при канонизаціи 1729 года. Есть и теперь нѣкоторые католическіе писатели, настаивающіе на двойственности Непомуковъ¹⁾; но они составляютъ уже рѣдкое исключеніе: большая часть чешскихъ богослововъ выбросили уже за бортъ перваго Непомука, хотя онъ-то и канонизованъ папою въ святые...

Въ самомъ дѣлѣ, конецъ 14-го вѣка, именно время царствованія Вячеслава IV не можетъ быть названо темною порою чешской исторіи. Отъ того времени сохранилось много современныхъ записей и записокъ, достаточно уже разработанныхъ трудами Добнера, Пельцеля, Палацкаго, Томка и другихъ чешскихъ историковъ. На основаніи этихъ данныхъ можно положительно утверждать, что въ 1383 никакой Янъ изъ Непомука не былъ казненъ въ Прагѣ и что въ Чехіи того времени жилъ лишь одинъ каноникъ этого имени, утопленный въ 1393 г. Самымъ важнымъ тому доказательствомъ служатъ сохранившіяся донынѣ книги пражской архіепископіи 2-ой половины XIV вѣка, именно: 1) libri erectionum, т. е. записи вкладовъ на богоугодныя и церковныя цѣли; 2) libri confirmationum, т. е. записи состоявшихся утвержденій на церковныя должности, и 3) acta judiciaria, т. е. записи тяжбныхъ дѣлъ духовенства и подсудныхъ ему свѣтскихъ исковъ²⁾. По этимъ книгамъ можно возстановить имена не только всѣхъ пражскихъ канониковъ конца XIV в., но и настоятелей большей части сельскихъ приходовъ того времени. И что же? Никакихъ слѣдовъ перваго изъ Непомуковъ въ этихъ книгахъ мы не находимъ! Въ промежутокъ времени отъ 1378 по 1393 г. извѣстны по регистрамъ пражскаго капитула не менѣе 19

канониковъ съ именемъ Янъ, но лишь одинъ изъ нихъ носитъ прозвище „изъ Помука“. То же лицо называется въ нѣкоторыхъ источникахъ „докторомъ Иоганкомъ“, вѣроятно по причинѣ миниатюрнаго роста. Не нужно думать, будто названія „изъ Помука“ и „изъ Непомука“ различаются между собою: эти названія съ 12 в. безразлично употреблялись въ приложеніи къ одному и тому же цистерціанскому монастырю, сосѣднему съ Зеленой горой, въ западной Чехіи. Точно также и городъ, возникшій близъ этого монастыря, назывался первоначально то Помукомъ, то Непомукомъ, пока послѣднее имя не восторжествовало окончательно. Что касается вышеназваннаго пражскаго викарія Яна, то онъ всегда подписывался: Johannes de Pomuk и никогда не титуловалъ себя: Johannes de Nepomuk, какъ зовутъ канонизованнаго въ 1729 г. святого.

Итакъ несомнѣнно, что Янъ Непомуцкій бальбиновой легенды и канонизаціоннаго акта выдуманъ Гайкомъ! Что оставалось дѣлать послѣ этого печальнаго открытія его римскимъ, чехоавстрійскимъ и польскогерманскимъ поклонникамъ? Ничего другаго, какъ уцѣпиться изо всѣхъ силъ за другаго Яна изъ Помука!

Уже Добнеръ, Ассемани и Воконъ въ прошломъ вѣкѣ употребляли усилія для соглашенія бальбиновой легенды о Янѣ-исповѣдникѣ съ историческими данными о Янѣ-викаріи: но ихъ старанія оказывались безсильными примирить непримиримое и согласить несогласимое. Это ясно доказано еще въ 1783 г. ученымъ Штейнбергомъ, который прямо объявилъ Яна Непомуцкаго легенды мифомъ, сочиненнымъ католическимъ клиромъ, съ цѣлью возвышенія таинства исповѣди¹⁾. То же сознаніе несогласимости бальбиновой легенды съ данными историческими было причиною, почему и абб. Добровскій не смелъ возможнымъ переносить атрибуты Яна-исповѣдника на Яна-викарія. Таково же мнѣніе новѣйшаго и, безъ сомнѣнія, самаго основательнаго изслѣдователя древнечешской бытовой исторіи пражскаго профессора В. Томка. Въ 3-мъ т. своего „Дѣписа Праги“ (1875 г. стр. 372) онъ прямо говоритъ, что „не согласенъ съ тѣми старыми и новыми писателями, которые выдаютъ генеральнаго викарія Яна изъ Помука за святаго, т. е. за св. Яна Непомуцкаго. Съ послѣднимъ нельзя согласиться потому, что папская канонизація назначена не этому лицу, а другому, къ которому обращены были въ началѣ прошлаго вѣка благочестивыя мысли народа, и на которомъ сосредоточено было вниманіе канонизаторовъ“. Что касается Палацкаго, то по своимъ отношеніямъ къ чешскому

¹⁾ Ср. Glückselig: Der Prager Dom. 97 стр.

²⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ изданы въ Прагѣ патеромъ Тинглемъ (Tingl).

¹⁾ Encykl. kościel. VIII, 498.

клиру онъ не могъ столь прямо, какъ Томекъ, высказать своего мнѣнія объ отсутствіи всякой аналогіи между Непомукомъ легендарнымъ и историческимъ; но и онъ утверждалъ, что исторія знаетъ лишь одного, а не двухъ Яновъ изъ Помука.

Для доказательства, что дѣйствительно между Яномъ Непомуцкимъ легенды и Яномъ изъ Помука исторіи очень мало общаго, сопоставимъ нѣкоторыя относящіяся къ тому и другому данныя.

Янъ легендарный происходилъ изъ чешской фамиліи Гаспловъ, Янъ же историческій ¹⁾ былъ сынъ Вельфля (Wolfinus), обличающаго нѣмецкое происхождение; первый воспитывался въ Помуцкомъ монастырѣ, а затѣмъ въ Жатецкомъ училищѣ и Пражскомъ университетѣ, второй посѣщалъ дѣйствительно (съ 1381 г.) послѣдній, но не стоялъ ни въ какихъ отношеніяхъ къ училищу Жатецкому. Первый былъ съ 1372 г. священникомъ и проповѣдникомъ Тынскаго собора, а съ 1378 г. каноникомъ пражскаго капитула и проповѣдникомъ свято-витскаго собора на Грядчинѣ; второй же началъ свою карьеру съ должности нотариуса архіепископской канцеляріи, въ 1375 г. былъ domesticus commensalis архіепископа Очка, а съ 1380 секретаремъ архіеп. Яна изъ Енштейна и вмѣстѣ титулярнымъ настоятелемъ пражской церкви св. Галла, съ 1387 г. каноникомъ при церкви св. Юліи, а нѣсколько позже и вышеградскимъ. Янъ легенды былъ королевскимъ капелланомъ; Янъ же историческій генеральнымъ викаріемъ пражскаго архіепископа, т. е. занималъ должность совершенно несогласимую съ первою, при тогдашнихъ натянутыхъ отношеніяхъ между властями свѣтскою и духовною. Сообразно со всѣмъ этимъ время и причина казни Яна легендарнаго совершенно не сходятся съ обстоятельствами смерти Яна историческаго. Первый казненъ 16 мая 1383 года; второй же 20 марта 1393. Причиною казни Яна-святого было нежеланіе открыть королю исповѣдныя тайны королевы Иоанны; причиною же утопленія Яна-викарія было его участіе въ спорѣ архіепископа Яна изъ Енштейна съ Вячеславомъ IV по поводу назначенія новаго аббата въ монастырѣ Кладрубскомъ ²⁾. Послѣднее обстоятельство особенно важно, такъ какъ канонизація Непомука мотивирована не чѣмъ другимъ, какъ его мученической смертью за охраненіе исповѣдной тайны. Какъ скоро будетъ доказано, что это мнѣе, ни на чемъ не основанный, то исчезнетъ и главное, даже единственное историческое основаніе для чествованія Непомука, какъ protomartyr'a poenitentiae.

На чемъ же основано сказаніе легенды объ испо-

вѣдническомъ званіи Яна Непомука и объ его казни за храненіе исповѣдной тайны? Ни одинъ изъ современныхъ жизни Непомука источниковъ не называетъ его духовникомъ королевы; ни одинъ изъ нихъ не выдастъ исповѣдной тайны за причину его казни: напротивъ, все единогласно считаютъ споръ о кладрубскомъ аббатствѣ единственнымъ виновникомъ гнѣва Вячеслава и утопленія Яна изъ Помука ¹⁾. Молчаніе современныхъ писателей объ исповѣдничествѣ королевы столь неотрицаемо, что даже канонизаторы и поклонники protomartyr'a poenitentiae не могутъ его оспаривать и для объясненія его измышляютъ разныя благовидныя и неблаговидныя причины: одни ссылаются на страхъ современныхъ Вячеславу хронистовъ оглашать неприятныя королю тайны ²⁾; другіе на то обстоятельство, что мотивъ казни могъ быть извѣстенъ лишь тремъ лицамъ: Яну Непомуку, королю и королевѣ, изъ которыхъ ни первый, ни второй не могли никому сообщить этой тайны, послѣдняя же — развѣ по смерти своего мужа (+ 1419) ³⁾. Если бы мы рѣшились послѣдовать за католическими историками въ эту область догадокъ ни на чемъ не основанныхъ, то могли бы съ полнымъ правомъ спросить: откуда же могла узнать королева о тайныхъ переговорахъ ея мужа съ духовникомъ? И какое основаніе имѣла она по смерти мужа открывать потомству его тайныя подозрѣнія въ ея вѣрности и грѣхи, совершенныя подъ влияніемъ чувства ревности?

Но дѣло въ томъ, что королева Иоанна, упоминаемая въ канонизаціонной легендѣ, умерла уже въ 1386 г., т. е. за семь лѣтъ до казни историческаго Яна изъ Помука ⁴⁾. Вторая же супруга Вячеслава Софія вышла за него за-мужъ лишь за 10 мѣсяцевъ до этой казни (2 мая 1392 г.) и трудно предположить, чтобы въ такое короткое время она могла имѣть особыя тайны для сообщенія духовнику и возбудить подозрѣнія мужа, далеко не отличавшагося особенно нѣжными чувствами и открыто жившаго съ какою то банщицею Сузанною. Къ тому-же извѣстно, что придворнымъ духовникомъ около 1393 г. было другое лицо, именно титулярный епископъ лаврентинскій Николай, лицо не только не тождественное съ Непомукомъ, но и извѣстное въ исторіи какъ партизанъ двора при его столкновеніяхъ съ чешскою іерархіей, въ рядахъ которой Янъ изъ Помука занималъ второе мѣсто, какъ генеральный викарій архіепископа. Возможно ли предположить, чтобы новопри-

¹⁾ См. Frind. Der geschichtliche Johannes von Nepomuk. Prag 1871, 47 стр.

²⁾ Frind, стр. 50.

³⁾ Encyklop. kościelna VIII, 498.

⁴⁾ См. Glückselig. Der Prager Dom. p. 27.

¹⁾ См. Tomek. Dějepis Prahy. III. 183.

²⁾ Ibid. III, 369 и сл.

бывшая въ Чехію королева избрала себѣ въ исповѣдники не придворнаго духовника, а лицо побочное, даже враждебное, по своему положенію, двору и его партіи въ духовенствѣ?

Но все это область гаданій и предположеній. Обратимся лучше къ положительнымъ свидѣтельствамъ, на которыхъ основывается бальбиновская легенда о казни Непомука. Отъ 14-го вѣка никто не можетъ указать ни одного источника въ пользу этой легенды. Напротивъ, умолчаніе объ исповѣдной тайнѣ, какъ причинѣ казни Непомука, въ такомъ первостепенномъ источникѣ, какъ жалоба къ папѣ самаго пражскаго архіепископа Яна изъ Енштейна¹⁾, показываетъ, что современники не думали и не гадали о подобномъ мотивѣ казни. Иначе архіепископъ, собравшій въ своей жалобѣ все вѣдомое ему грѣхи и промахи короля Вячеслава и описавшій подробности суда и расправы со своимъ генеральнымъ викаріемъ, никакъ не упустилъ бы такого важнаго обстоятельства, удесятеряющаго вину короля и возвышающаго личность Яна изъ Помука. Но архіепископъ ни однимъ словомъ даже не намекаетъ на какія нибудь отношенія Помука къ королевѣ. То же самое видимъ и въ другомъ древнемъ источникѣ: *Житіи архіепископа Яна изъ Енштейна* ²⁾. Кто же сочинилъ этотъ анекдотъ о причинахъ казни Непомука? По всей вѣроятности чешскій хронистъ второй половины XV в. Павелъ Жидекъ. По крайней мѣрѣ въ его „Справовнѣ“ мы встрѣчаемъ самое раннее извѣстіе, что Вячеславъ IV „возымѣлъ подозрѣніе къ своей супругѣ, а какъ она исповѣдывалась у магистра Юганка, декана—Всѣхъ Святыхъ, то, придя къ нему, король требовалъ признанія, съ кѣмъ она живетъ (пребываетъ); когда же деканъ не захотѣлъ ничего сказать, то король велѣлъ его утопить“ ³⁾. Но кто былъ Павелъ Жидекъ и насколько можно имѣть довѣрія къ его показаніямъ? Это былъ жиденокъ, воспитанный въ утраквизмѣ, но потомъ перешедшій въ папизмъ. Несмотря на обширное образованіе, полученное въ университетахъ вѣнскомъ, падуанскомъ и болонскомъ, Жидекъ всю жизнь остался жидкомъ, промышлявшимъ кляззами и интригами. Два раза пражскій университетъ предавалъ его суду своихъ членовъ. Рокицана вынужденъ былъ прогнать его за разныя слетни и интриги изъ Праги. Въ Бреславлѣ онъ публично уличенъ былъ въ двуличности и интриганствѣ и брошенъ въ тюрьму, изъ которой выпущенъ лишь послѣ унижительныхъ церемоній. Въ

Краковѣ онъ вновь прогнался и приговоренъ къ пожизненному тюремному заключенію. Протекція разныхъ лицъ спасла его еще разъ и Юрій Подѣбрадъ позволилъ ему жить въ Чехіи и являться при дворѣ, гдѣ онъ тоже не переставалъ ссориться и интриговать¹⁾. Въ своей хроникѣ онъ старался по возможности идеализовать Карла IV и втоптать въ грязь Вячеслава IV. Большого-ли труда стоило подобному интригану и записному слетнику пустить слетню и на покойнаго чешскаго короля, котораго чести не хотѣли охранять ни паписты, ни гусситы, велѣдствіе неопредѣленнаго и шаткаго положенія, какое Вячеславъ занималъ въ борьбѣ религиозныхъ партій своего времени! И откуда могъ узнать хронистъ, писавшій чрезъ 78 л. (въ 1471 г.) послѣ событий, такія ихъ подробности, которыя были неизвѣстны самимъ современникамъ и даже дѣятелямъ, напр. архіепископу Яну изъ Енштейна?

Другимъ источникомъ является такъ называемая Свитавская хроника: но самъ Фриндъ ²⁾ называетъ ее источникомъ очень ненадежнымъ. Предположеніе, что эта хроника составлена въ XV в. опирается на очень шаткихъ данныхъ, тѣмъ болѣе, что оригиналъ ея исчезъ, а остается лишь копія, сдѣланная Шубичкою. Вся эта хроника наполнена неточностями и несообразностями: такъ Непомукъ названъ въ ней Непоничемъ; изъ каноника онъ передѣланъ въ королевскаго капеллана; годъ его смерти показанъ ложно, именно 1383 вмѣсто-1393.

Итакъ поздній хронистъ очень сомнительной репутаціи и поздняя же, очень сомнительная и даже исчезнувшая нѣмецкая хроника: вотъ два столба, на которыхъ опирается все зданіе бальбиновой и римской легенды о св. Непомукѣ? Эти опоры рушатся отъ перваго прикосновенія исторической критики. Что же затѣмъ остается? Однѣ темныя преданія, при томъ не народа, а сословія пражскихъ, особенно святовитскихъ ксендзовъ,—преданія, записанныя не въ 14, даже не въ 15 или 16, а главнѣйше въ 17 и началѣ 18 вѣка! А рядомъ съ этими миѳическими преданіями и даже на днѣ ихъ просвѣчиваютъ усилія пражскаго клира эксплуатировать мученическую смерть своего стараго сочлена для своихъ сословныхъ цѣлей. Уже архіепископъ Янъ изъ Енштейна называетъ своего утопленнаго викарія: *jam martyr sanctus* ³⁾; біографъ этого архіепископа также употребляетъ о Янѣ изъ Помука фразу: *dei gratia martyr effectus* ⁴⁾. Пражскіе каноники, похоронивъ По-

¹⁾ См. Pelzel. *Lebensgeschichte Königs Wenzeslaus* I, 145 сл.

²⁾ *Fontes rerum Bohemicarum*. 1,449.

³⁾ См. *Vybor z literatury České*. II. 771.

¹⁾ См. J. Jiřeček. *Rukovět k dějinám literatury České*. II, 375 сл.

²⁾ См. стр. 22.

³⁾ Pelzel. I, 153.

⁴⁾ *Fontes rer. Bohem.* I, 461.

мука у собора святовитскаго, покрыли его могилу камнемъ, потомъ огородили одиночною, а наконецъ двойною рѣшеткою, и поддерживали въ народѣ повѣрїе, что если кто неуважительно ступить на эту могилу, тотъ подвергнется чудесному наказанію. Въ числѣ обвинительныхъ статей противъ Гуса на Констанскомъ соборѣ находимъ ту, что онъ непочтительно отзывался о Янѣ изъ Помука, считая его казнь недостаточнымъ поводомъ для паложенія интeрдикта на чешскія церкви ¹⁾. Въ 16 в. стали появляться образа съ надписью: S. Joannes Неромисепис. Послѣ бѣлогорской битвы (1620 г.), сокрушившей автономію чешскаго государства и диссидентскихъ церквей, іезуиты и габсбурги приняли Яна Непомука (Гайковой хроники) подъ особенное свое покровительство, стали воздвигать ему статуи, алтари, поклоняться его мнимой могилѣ, составили чрезъ посредство іезуита Бальбина легенду и не переставали убѣждать папу канонизовать чешскаго святого. Особенно много потрудились на этомъ поприщѣ императоры Фердинандъ III, Леопольдъ I, Іосифъ I и Карлъ VI. Послѣдній, при содѣйствіи короля польскаго и князей германскихъ, довель наконецъ папскій дворъ до согласія на канонизацію Непомука. 15 апрѣля 1719 вынута была изъ гроба тѣло мнимаго Яна Непомуцкаго, при чемъ языкъ оказался, будто бы, чудесно сохранившимся и заключенъ въ особый сосудъ, въ которомъ хранится и по сю пору. Но и это „чудо“ не могло еще побѣдить осторожности папскаго двора, который вѣроятно хорошо зналъ, какъ изготовляются въ католической церкви нетлѣнные руки, ноги и языки святыхъ. Лишь послѣ новыхъ 10-лѣтнихъ усилій со стороны пражскаго клира, чешскихъ магнатовъ и разныхъ государей католической Европы канонизованъ былъ 19 марта 1729 новый святой католической церкви. До какой степени затѣмнились къ тому времени факты жизни дѣйствительнаго Яна изъ Помука видно изъ того, что въ канонизаціонной легендѣ, вошедшей затѣмъ въ *Vitae sanctorum* Болландистовъ, не осталось почти уже итѣни его историческаго образа: отчасти намѣренно, отчасти же ненамѣренно измѣнено было имя (Непомукій вм. Помуцкаго), обстоятельства жизни, время и причины смерти. Неудивительно, что при этомъ рядомъ съ Яномъ святымъ легендарнымъ поставленъ въ самой легендѣ другой Янъ, несвятой, который и оказывается единственнымъ историческимъ.

Но, скажутъ, не все ли равно теперь, жилъ ли когда или нѣтъ тотъ Янъ изъ Непомука, который канонизованъ папою, если чудодѣйственныя мощи другаго Непомука или Помука лежатъ въ ракъ Святовитскаго храма и служатъ предметомъ всеобщаго по-

читанія чеховъ и другихъ вѣрныхъ католиковъ? Правда, что въ этой ракъ лежитъ какой-то костякъ, вырытый изъ могилы, принадлежавшей, по преданію, Яну Непомуцкому: но кто докажетъ, что это преданіе вѣрно? А если и вѣрно, то вѣдь это мощи Яна изъ Помука, викарія, утопленнаго за кладрубское аббатство, а не Яна изъ Непомука, *protomartyr'a* *penitentiae*! Если оставить въ сторонѣ вопросъ о чудесахъ, которыя, конечно, измышлены пражскими канониками, то не останется никакихъ основаній видѣть въ жизни и смерти Яна изъ Помука тѣ черты святости, которыя были причиною и основаніемъ папской канонизаціи. Для послѣдняго имѣется молчаливое признаніе и самой канонизаціонной конгрегаціи въ Римѣ: зная о родѣ жизни и обстоятельствахъ смерти втораго Яна изъ Помука, викарія пражскаго, папа и кардиналы не признали однако его заслуживающимъ мученическаго вѣнца и ореола святости. Иначе мы имѣли бы уже двоихъ святыхъ Яновъ: первый — изъ Непомука († 1383) и второй — изъ Помука († 1393). Такимъ образомъ оказывается съ полною несомнѣнностью, что то лицо, которое признано святымъ, не существовало; то же, которое существовало, не признано святымъ; слѣдовательно въ теченіе 150 лѣтъ католическій міръ поклоняется мнимому святому въ образѣ костяка человѣка несвятого! Янъ изъ Помука является невольнымъ самозванцомъ, присвоившимъ себѣ по чужой винѣ званія и прерогативы лица миѣческаго, созданнаго заблужденіями историковъ и своекорыстными расчетами католическаго клира....

Въ чемъ же состояли послѣдніе? Самымъ первымъ побужденіемъ могло быть естественное желаніе вознести на пьедесталъ своего человѣка, пострадавшаго въ оборонѣ матеріальныхъ и политическихъ интересовъ и притязаній духовенства. Тутъ дѣйствовали тѣ-же соображенія, какими руководствовалась воинствующая латинская церковь, канонизовавъ въ 1248 году мощи Станислава епископа Краковскаго († 1079), павшаго подобно Яну изъ Помука жертвою столкновеній со свѣтскою властью. Другимъ побужденіемъ, заставлявшимъ пражскихъ, особенно святовитскихъ, канониковъ столь настойчиво стремиться къ канонизаціи Непомука, было ихъ желаніе сдѣлать Прагу, особенно же соборъ св. Вита предметомъ паломничества, а слѣдовательно удесятерить число своихъ доходовъ. Что пражскій клиръ не ошибся въ этихъ расчетахъ показываетъ число миссъ, отслуженныхъ въ честь Непомука вслѣдъ за открытіемъ его гроба: въ 1721 ихъ было отслужено въ Прагѣ 50,672; въ пятилѣтіе же отъ 1723 по 1727 г.—327,001 мисса и кромѣ того причащено было при гробѣ свят. Яна 7,286,477 лицъ ¹⁾.

¹⁾ Tomek III, 436.

¹⁾ См. W. Neumann. Hundertjährige Jubelfeier der Hei-

При всемъ уваженіи къ чешскимъ прелатамъ какъ нашего, такъ и стараго времени, мы все таки рѣшаемся высказать предположеніе, что они не могли не сочувствовать дѣлу, которое обѣщало каждому изъ нихъ нѣсколько тысячъ гульденовъ лишняго дохода. Папа и члены congregationis rituum могли и съ своей стороны разсчитывать, что пенязь св. Петра, получаемый изъ Чехіи, обратится изъ мѣднаго въ золотой, если совершится канонизація Непомука. Но все эти соображенія и мотивы, какъ ни могущественны они для человѣческихъ слабостей, не могли бы однако сами по себѣ объяснить того упорнаго усердія, съ которымъ подготовляли канонизацію Непомука не только пражскіе, но и римскіе прелаты, а также императоры и князья германскіе, не могли бы онѣ объяснить и того одушевленія, съ которымъ отнесся къ памяти новопроизведеннаго святого весь чешскій, а за нимъ моравскій и польскій народъ. Должна была существовать еще одна тайная пружина и этого единодушія силъ латинскаго міра, и этого довѣрчиваго энтузіазма со стороны чехославянскаго простонародія. Эта тайная пружина не осталась скрытою для внимательныхъ историковъ культа Непомука. Уже нѣмецкій ученый Абель ¹⁾ высказалъ догадку, что Янъ Непомукъ есть мифъ, сочиненный латинниками для вытѣсненія изъ памяти чешскаго народа имени Яна Гуса. Патеръ Фриндъ ²⁾, упомянувъ объ этой догадкѣ, не только не опровергаетъ ея, но косвенно даже подтверждаетъ замѣчаніемъ, что дѣйствительно Янъ Гусъ считался у приверженцевъ святыхъ, какъ это доказываютъ канціоналы XV в., заключающіе даже формальную missa Sancti Hussi. Объ этой догадкѣ упоминаетъ и составитель біографіи Яна Непомуца въ польской „Костельной Энциклопедіи“ (стр. 500), не приводя въ опроверженіе ея ни одного соображенія или факта. Нѣкоторыя новыя доказательства этой подтасовки иезуитами имени Непомука подъ имя Гуса приведены г. Анненковымъ въ его прекрасной статьѣ о Непомукѣ, напечатанной въ журн. „Странникъ“ (1877 г.).

Соображая все относящіяся къ дѣлу обстоятельства, мы и съ своей стороны высказываемъ увѣренность, что Янъ Непомукъ есть подлогъ подъ Яна Гуса. Замѣтивъ чрезвычайное уваженіе чеховъ къ памяти своего дѣйствительно великаго подвижника святаго Яна (Гуса), латинники не могли не скандализоваться этимъ культомъ еретика, сожженнаго Констанскимъ соборомъ 6 іюля 1415 года. Послѣ про-

должительныхъ и бесполезныхъ усилій вытѣснить его изъ памяти народа, они должны были задаться мыслью подмѣнить его кѣмъ-нибудь, хоть сокола вороною. Янъ Непомукъ очень годился для этой цѣли: подобно Гусу онъ 1) носилъ имя Яна; 2) былъ магистромъ пражскаго университета; 3) носилъ духовный санъ; 4) умеръ насильственною смертию. Гусъ былъ сверхъ того исповѣдникомъ королевы Софіи: то же званіе приписано легендою и Непомуку, хотя и относительно другой королевы Іоанны.

Еще ли тутъ нѣтъ сходства! А если существовала между двумя Янами и разница, состоявшая особенно въ томъ, что одинъ изъ нихъ былъ человѣкъ великій, а другой малый, одинъ дѣятель всенародный, а другой сословный, — то могъ ли кто въ Чехіи въ 17 и началѣ 18 вѣка замѣтить такіа „мелочи“ въ двухъ историческихъ лицахъ, видѣвшихся изъ глубины вѣковъ и освѣщенныхъ особымъ образомъ писателями, проповѣдниками, учителями и администраторами временъ иезуитско-габсбургской реакціи! Народныя глаза были завязаны, историческая память помрачена: диво ли, что народъ не отличилъ въ началѣ 18 вѣка Яна Непомука отъ своего полузабытаго уже Яна Гуса!

Такъ культъ Непомука предназначенъ служить могильной плитой, подъ которой долженъ скрываться отъ глазъ и памяти людей Иванъ Гусъ и два бурные вѣка чешской исторіи, окрещенные его именемъ!

И теперь въ день 16 мая, мнимый день смерти мнимаго святаго Яна Непомуцкаго, десятки и сотни тысячъ благочестивыхъ чеховъ и чешекъ собираются въ Прагу на поклоненіе статуѣ, стоящей на карловомъ мосту, а также чудотворному языку и костюмъ вымышленнаго латинниками святаго Яна Непомуцкаго; а въ день 6 іюля, годовщину мученической смерти великаго Гуса, лишь въ одной святиониколаевской церкви можно услышать панихиду о рабѣ божіемъ Іоаннѣ!...

Но не долго уже продержится въ чешскомъ народѣ слѣпота, напущенная на него въ вѣка реакціи иезуитами и габсбургами. Уже теперь число поклонниковъ Непомука съ каждымъ днемъ рѣдѣетъ, а число почитателей памяти Гуса увеличивается. Еще нѣсколько усилій науки и опытовъ жизни и на мѣстѣ поверженныхъ статуй мифическаго святаго Непомука возвысятся изваянія историческаго подвижника Гуса.

Антонъ Будиловичъ.

Нѣжинъ.

10-го апрѣля 1879.

lignsprechung des H. Johann von Nepomuk. Prag. 1829 г. стр. 103.

¹⁾ Legende vom h. Joh. v. Nepomuk, Bonn 1855.

²⁾ Der geschichtliche H. Johannes v. Nep. стр. 8.

Плоды Люблинской (1569 года) и Брестской (1596 года) уни.

по французскимъ и польскимъ источникамъ.

„Твоими устами буду судить тебя. (Лук. 19, 22).

Въ распространившейся, въ особенности съ 1830 годовъ, неправдѣ о Россіи за границей были виновны частію и сами русскіе, не возражая, при знаніи у насъ столь многими иностранныхъ языковъ, на выпускаемую всюду клевету на все русское школою Деламаръ и Душинскихъ. — Вѣрный правилу, что *лишь могила прерываетъ обязанности гражданина къ отечеству*, я—старый солдатъ—съ 1859 года писалъ, по выходѣ въ отставку, въ бельгійскомъ журналѣ „Le Nord“ въ защиту православія и русской народности моей родины Украины, а съ 1861 напечаталъ за границей съ тою-же цѣлью на французскомъ языкѣ пять брошюръ, изъ которыхъ двѣ переведены и на англійскій языкъ. Теперь, подъ старость, продолжаю, по мѣрѣ силъ защищать тѣже интересы литературнымъ путемъ на своемъ родномъ русскомъ языкѣ.

„Съ 850 года по Р. Х., пишетъ Морачевскій ¹⁾, начинается легенда о началѣ христіанства *Славянскаго*“ (слѣд. не римскаго). „Святополкъ (князь Моравскій) послалъ въ 850 году къ Болгарамъ своего брата посломъ, съ цѣлю заключенія союза. Этотъ братъ его, Ростиславъ, познакомился тамъ съ цареградскими миссіонерами *Кирилломъ и Меѳодіемъ*. Вступивъ позже на престолъ Моравіи, побуждаемый женой своей Милославой, Ростиславъ просилъ Михаила III императора восточнаго, чтобы Кирилла и Меѳодія выслалъ въ Моравію ²⁾. — „Эти два апостола христіанства перевели священныя книги *на славянскій языкъ*, написали ихъ церковнымъ (кириллицей) т. е. *славянскимъ* алфавитомъ и совершали церковное служеніе *на славянскомъ языкѣ*“. — „Вскорѣ однакожь епископъ *римскій*, т. е. папа, захотѣлъ непременно забрать подъ свою власть и патріарха восточнаго, а этотъ не хотѣлъ покориться“. — „Въ этой ссорѣ западъ началъ попрекать востокъ, будто онъ содержитъ языческіе обряды“, „Папы захотѣли, чтобы обѣдно (мессу) или хотя евангеліе читали на латинскомъ языкѣ, котораго *никто непонималъ*. Ненависть-же

цѣмцевъ и ихъ епископовъ къ славянамъ между тѣмъ подняла въ Римѣ крикъ, о принятіи будтобы славянами ереси (herezia) и т. п.“ — „Не ясенъ тутъ обликъ исторіи, но сквозь мракъ однакожь пробивается *правдоподобное*, а именно, что христіанство *славянское* (т. е. *православное*) распространялось уже тогда въ Чехіи, Силезіи, и въ земляхъ славянъ Польскихъ по Пилицѣ, Вислѣ и Вартѣ“. — „Когда въ IX вѣкѣ, рыцарство нѣмецкое подъ императорскими римско-германскими знаменами, поддерживая латинское духовенство, стало нападать на спокойныхъ славянъ и мучить ихъ, забирая въ рабство и продавая ихъ жидамъ, которые затѣмъ торговали ими, перепродавая ихъ въ Варварійскія владѣнія, тогда и у славянъ возникло желаніе къ объединенію, и т. д.“.

„Императоръ Оттонъ ¹⁾ основалъ *латинскія* каѳедры и въ Польшѣ, которую императоры римско-германскіе считали себѣ принадлежащимъ графствомъ, и далъ направленіе и поворотъ *римскій* или *латинскій* всей славянщинѣ, отъ рѣки Лабы или Эльбы къ востоку, и главой церкви поставилъ имъ архіепископа въ Магдебургѣ (Дѣвно) и т. д. Рыцарская шляхта грабила, убивала, забирала не только деньги и скотъ, но *и людей* и т. д.“ „Ксендзы-же, съ своей стороны, отказывались отъ всякихъ повинностей, и составили *отдѣльное государство*, не повинуюсь свѣтской власти. Правда, что они изъ своихъ имѣній должны были содержать костелы и часто помогать *папѣ*, но вообще они болѣе заботились о себѣ и своей роднѣ, и т. п.“ — „Старосты—*бург-графы*, обязанные поддерживать справедливость, охранять народъ отъ грабежей рыцарства, сами съ народа чуть шкуры не драли. Видно, что уже тогда возникла польская пословица: „Польша безпорядкомъ держится“ и т. д. ²⁾ Положение народа было бѣдственное.

Интересныя сужденія объ этомъ же предметѣ содержатся въ книгѣ: „Взглядъ на состояніе Польши“, сочиненіе извѣстнаго польскаго ученаго, филолога-публициста Бронислава Трентовскаго. „Въ концѣ 10 вѣка (sic),—читаемъ въ ней, — введена въ Польшѣ христіанская религія *римскаго* исповѣданія. Съ одной стороны это было счастьемъ нашимъ, потому что связало насъ разъ на всегда съ западомъ и собственно съ Европою, назначеніе (?) которой— высшая цивилизація, просвѣщеніе и свобода; съ другой-же это было также и большимъ несчастьемъ, потому что *подчинило* насъ безусловной власти не всегда святымъ намѣстниковъ св. Петра. Власть эта среди народа, питающаго отвращеніе къ романскимъ и германскимъ разболямъ, была совершенно не нужна; она отворила

¹⁾ Т. I. г. IV. ст. 10—15.

²⁾ Приведенный рассказъ объ отправленіи къ Болгарамъ моравскаго князя Ростислава преемникомъ его (sic) по княженію Святополкомъ, съ приуроченіемъ самаго посольства къ 850 году, и о встрѣчѣ въ Болгаріи Ростислава съ Кирилломъ и Меѳодіемъ—весьма „легендаренъ“. Ред.

¹⁾ Лелевель, Исторія Польши, Т. 1, стр. 23—24.

²⁾ Ibid. стр. 289.

широко, настежь дверь въ кабинетъ польскихъ дѣлъ чужому и далекому ватиканскому двору до того, что монахи долго не принимали поляковъ. въ свое братство, а на послушаніе принимали лишь однихъ иностранцевъ. Эта-то власть интригою, прежде у насъ неизвѣстною, но укорененною среди латинскихъ монаховъ, заразила нашъ образъ мыслей и привлекла на страну бѣдствія, которыя вскорѣ и обнаружались. Папа считалъ насъ провинціею новаго римскаго государства, которое было святою (?) утоліею апокалиптическихъ грезъ папства, и выдумавши, что Домброва, жена Мечислава, подарила ему *Надвислянскій* край, отдалъ его въ ленное владѣніе нѣмецкимъ королямъ и позволилъ насъ поработить. О Боже! гдѣ справедливость? и т. д.“

„Уже тогда, пишетъ Морачевскій ¹⁾, ходили разные толки противъ Польши, не у рыцарей-монаховъ тевтонскаго ордена, а между вождами всей Германіи, отъ вѣковъ вѣчныхъ Польшѣ враждебной, *ораздѣль* Польши, а именно слѣдующимъ образомъ, и т. д.“ „Послѣ безчеловѣчнаго подавленія въ XI столѣтіи, пишетъ Морачевскій ²⁾, послѣдняго энергическаго протеста, подъ предводительствомъ мужественнаго Маслава ³⁾, народа славяно-польскаго противъ тираниі лехитскаго рыцарства, церковь римская и рыцарство, въ покоренной ими Польшѣ, совершенно отдѣлили ⁴⁾ свои интересы отъ интересовъ народа славяно-польскаго, поработеннаго ими въ *хлопство* ⁵⁾, по „праву меча“ Народъ польскій, люди труда, стуживался до нашихъ дней.

Обращаемся еще къ одной польской книгѣ „*Chowanna, czyli system Pedagogii Narodowej*“ ⁶⁾.

„Еслибы христіанство пришло къ намъ съ востока, или-же, какъ говоритъ Мацеѣвскій, еслибы при-

шедши къ намъ изъ Греціи, христіанство славянское не было истреблено западнымъ римскимъ при Мечиславѣ, то наша исторія была-бы совершенно иною. Библия непременно была-бы переведена на польскій языкъ еще при Болеславѣ храбромъ, языкъ польскій при обрядахъ и церковныхъ пѣнопѣніяхъ усовершенствовался-бы и удержалъ-бы свойственные ему славянскія кирилловскія буквы. Мы не жили-бы подъ игомъ“ и т. д. „Науки и искусства грековъ, по паденіи Восточной имперіи, перенесены-бы были изъ Константинополя прежде въ единовѣрный грекамъ Краковъ, чѣмъ къ итальянцамъ на западъ. Мы не знали бы такъ долго терзающей насъ заразы духовной латыни, а главное не дрались-бы безпрестанно съ Славянами русскими, пока они насъ не покорили, и т. д.“

„Гозій одинъ изъ тѣхъ великихъ людей, которые рождаются на несчастіе челоѣчества и заслуживаютъ позднее его проклятіе, сами того не сознавая.“ — „Проникнувшись духомъ своего пріятеля Del Monte, Гозій возвратился въ Польшу.—Въ то время Польша была еще просвѣщенною и вмѣстѣ съ Европою чувствовала и понимала всю несообразность папскаго престола Гильдебранда, она имѣла въ своихъ предѣлахъ множество, слишкомъ половину, диссидентовъ (иновѣрцевъ). Гозій началъ съ ними борьбу на жизнь или смерть и т. д.“—Послѣдствія извѣстны, и отзываются до нашихъ дней.

Украинецъ Семень Сулима.

(Продолженіе будетъ).

Содержаніе: Отдѣлъ I. Высочайшій рескриптъ на имя митрополита московскаго и коломенскаго Макарія.—Опредѣленіе Святейшаго Синода: объ изданныхъ полковникомъ Острогорскимъ книгѣхъ для дѣтскаго чтенія, съ журналомъ учебнаго Комитета.—Объявленія и извѣстія: 1) Благодарственное молебствіе; 2) Паломничество въ Кіевъ изъ холмско-варшавской паствы; 3) Возсоединеніе б. греко-уніянскаго священника. — Отдѣлъ II. Слово въ день св. великомученика Георгія, сказанное въ Новогеоргиевскомъ крѣпостномъ соборѣ 23 апрѣля 1879 г. высокопреосвященнымъ Леонтіемъ, архіепископомъ холмско-варшавскимъ.—О Янѣ Непомуцкомъ, іезуитско-габсбургскомъ святомъ, Ан. Будиловича. — Плоды Люблинской и Брестской уніи по французскимъ и польскимъ источникамъ, С. Сулима.

Приложеніе: Перечневая опись недвиж. имущ. западно-русской Церкви, свящ. А. Будиловича (6-й полулисть).

¹⁾ Стр. 328.

²⁾ Истор. Польши Т. 1.

³⁾ Этого „Маслава“, недавно талантливѣйшій современнй польскій писатель романовъ и повѣстей представилъ *Пугачевымъ*. Такъ обходятся съ исторіею народа! *Аст.*

⁴⁾ См. A. de Moller, Situation de la Pologne, Paris. 1865 г. 33—38. Lelewel, Considérations p. 21. Histoire p. 41—46.

⁵⁾ Хлопъ—отъ стариннаго славянскаго слова „холопъ“, то есть рабъ, по „праву меча“ взятый въ плѣнъ на войнѣ. На Руси холопы были большею частію изъ татаръ, половцевъ и т. п., но бывали и христіане, продававшіе себя или продаваемые на всю жизнь въ неволю, но безъ права карать смертію, что въ началѣ среднихъ вѣковъ было и у нѣмцевъ и называлось у нихъ—„правомъ искать себѣ господина“, а у насъ—идти „въ кабалу“, „забакалывать“. *Аст.*

⁶⁾ Poznań. 1842. Т. I. poszyt 2.—2. 742. 752. 806. 833.

Редакторы: Священникъ А. Демьяновичъ.

Священникъ А. Будиловичъ.